

Як видно з табл. 3, більшість опосередкованих запозичень походять з латині (1122 ЛО) та грецької мови (1060 ЛО). Крім того, джерелом опосередкованих запозичень можуть виступати також германські (84 ЛО), іспанська (7 ЛО) та перська (7 ЛО) мови. Серед неіндоєвропейських мов найбільше запозичень цього типу зафіксовано з арабської мови (24 ЛО).

Отже, найбільша частина досліджуваних запозичень походить з індоєвропейської мовної сім'ї: кількість прямих запозичень становить 2405 ЛО (47,8%), опосередкованих – 2280 ЛО (45,3%), тобто запозичення з індоєвропейських мов становлять 93% усієї запозиченої лексики.

За граматичним складом найбільша частина запозичень припадає на іменники – 3995 ЛО (79,5%), що пояснюється інтенсивністю запозичення нових понять, позначення реалій тощо. Далі слідують за спадом прикметники (620 ЛО; 12,3%), дієслова (238 ЛО; 4,7%), прислівники (149 ЛО; 3%). Найменша кількість запозичень спостерігається серед інших частин мов (часток, вигуків, прийменників тощо) – 26 ЛО (0,5%).

Для дослідження змістовної сторони запозичень ми розподілили іменники на 25 лексико-семантичних груп (*dani* – ЛСГ) за класифікацією В. В. Левицького [5, с. 135-136], прикметники на 15 ЛСГ за класифікацією В. В. Левицького [5, с. 66-67], дієслова на 20 ЛСГ на основі класифікації Г. Шумахера [13, с. 3-18] та прислівники на 8 підкласів за класифікацією Г. Гельбіга [12, с. 310-314].

Найбільша кількість запозичених іменників (591 ЛО) є термінами: *Allegro, Fistel, Leukozyt* тощо. Далі слідують за спадом іменники на позначення людей, пов'язаних певними взаємовідносинами (за національністю, професією, титулом, званням) (434 ЛО): *Advokat, Professor, Zar*, та неживих предметів, речей, механізмів (429 ЛО): *Motor, Panzer, Serviette*. Найменше запозичених іменників зафіксовано в ЛСГ «нейтральні найменування людей, членів сім'ї» (6 ЛО): *Cousin, Cousine* та «відрізки часу, доби, пори року, періоди життя» (18 ЛО): *August, Sekunde*. Спостерігається тенденція взаємозв'язку певних мов і ЛСГ запозичених іменників. Так, слова на позначення їжі взяті в основному з італійської мови: *Antipasto, Cappuccino, Risotto*, терміни – з грецької та латині: *Atom, Kasus, Muskel*, назви рослин та тварин – з мов Африки: *Makak, Okapi*. Серед запозичень з французької мови переважає лексика, пов'язана з архітектурою, модою, політикою, яку німецька мова перейняла з розвитком буржуазних відношень, коли Франція відіграла провідну роль на Європейському континенті: *Loge, Kostüm, Revolution*. Зі слов'янських мов запозичені переважно слова-реалії, що позначають побут слов'янського населення, як-от: *Balalaika, Blini, Koleda*.

Серед запозичених прикметників переважають лексеми на позначення кольору, розміру, форми, ваги (88 ЛО): *amorph, pink, oval*, рис характеру людини (47 ЛО): *cool, heroisch, pedantisch*. Мало представлені прикметники на позначення температури, наявності чи відсутності вологи (7 ЛО): *humid, tropisch*.

Найбільша кількість дієслівних запозичень відноситься до ЛСГ дієслів дії (49 ЛО): *addieren, diskutieren, kurieren*, досягнення мети (22 ЛО): *managen, organisieren*, та каузативу стану (20 ЛО): *plazieren, postieren*. Найменшими за обсягом є група дієслів звучання (6 ЛО) та сенсорного сприйняття (9 ЛО).

Серед прислівників домінують модальні прислівники (37 ЛО): *adagietto, blanko, crescendo, dolce*, за ними слідують прислівники умови (9 ЛО): *exklusive, idealiter*. Не представлені у нашій вибірці прислівники мети та наслідку.

Проведене дослідження показує, що серед зовнішніх чинників запозичень провідну роль відіграють територіальна близькість та роль певної країни у певну історичну епоху. Процес запозичення з неіндоєвропейських мов до німецької ускладнюється також істотною різницею у структурі мов. Передовсім запозичуються іменники-терміни, дієслова дії, модальні прислівники, якісні прикметники. Усі процеси, що пов'язані з процесами запозичення, становлять цікаву і багатовимірну проблему і потребують подальшого дослідження, зокрема на структурно-семантичному та контекстуальному рівнях.

Список використаної літератури

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – К.: Вища школа, 1979. – 255 с.
2. Жлуктенко Ю. Мовні контакти: Проблеми інтерлінгвістики. – К.: Вид-во Київ. держ. ун-ту, 1966. – 133 с.
3. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства. – Київ: Академія, 2004. – 368 с.
4. Левицький В. В. Семасиологія. – Вінниця: Нова книга, 2006. – 512 с.
5. Левицький В. В. Статистическое изучение лексической семантики. – К.: УМК ВО, 1989. – 155 с.
6. Опельбаум С. Українські лексичні елементи в німецькій мові // Мовознавство. – 1969. – № 3. – С. 3-15
7. Розенцвейг В. О языковых контактах // Вопросы языкознания. – 1963. – № 1. – С. 59-65.
8. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6: Языковые контакты. – С. 61-80.
9. Braun P. Fremdwort-Diskussion. – München: Magnus, 1979. – 318 S.
10. Carstensen B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945. – Berlin: de Gruyter, 1993. – 402 S.
11. Duden. Deutsches Universalwörterbuch /Hrsg. von G.Drosdowski.– 2. Aufl. – Mannheim / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
12. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. – Tübingen: Langenscheidt, 2001. – 654 S.
13. Schumacher H. Verben in Feldern: Valenzwörterbuch zur Syntax und Semantik deutscher Verben. – Berlin: De Gruyter, 1968. – 882 S.

Кириллова М. Д.

ИЗМЕНЕНИЕ ВНУТРИ- И МЕЖФРАЗОВЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Експлікація імпліцитних смислів являється перекладною традицією. С достаточною яскравістю проявляє вона себе при об'єднанні двох пропозицій: «перекладач виносить в відкритий текст те зв'язи і відношення, які не були експліцитовані і саме тому елементи, між якими вони імпліцитно існували, були оформлені як окремі самостійні пропозиції» [2, с. 37]. Об'єднання підчинительного особливо характерно в цьому відношенні. Вот деякі з характерних прикладів.

In midlawn there was a catalpa pruned into a huge green mushroom; in its shade sat, as if posed, conversing, a garden table and three wicker chairs. Beyond, in a close pool of heat, two naked girls lay side by side on the grass [ET, с. 8].

В центрі лужайки росла катальпа з подрезаною короною, отчею вона приобрела сходство з гігантським зеленим грибом. Під її сенью розмістились, точно собеседники, садовий стіл і три плетені крісла, а далі лежали на траві, окутанні зноєм, дві обнажені девушки [с. 121].

At the top of the stairs she turned to the right down a corridor. A long rush mat ran down the centre of it [ET, с. 17].

На верхней площадке она повернула направо в коридор, посреди которого лежал камышовый мат [с. 129].

Стремление объединить в одной фразе несколько сообщений, установив между ними сложные отношения зависимости, приводит не только к эксплицированию и смещению межфразовых связей, но и к ослаблению (или даже уничтожению) дискретности описания.

Экспликационная деятельность переводчика, обуславливающая процедуру объединения предложений, объясняется не только воздействием личностно-психологических факторов, характерных для самого переводчика, но и фактором адресата. Дело в том, что текст перевода адресован не тому получателю, на которого был рассчитан исходный текст. Поэтому возникает «необходимость дополнительной логизации повествования, раскрытия и уточнения множественных связей между описываемыми явлениями» [6, с. 51]. Реализуя подобную установку, переводчик организует перестройку синтаксических структур как в описанных выше направлениях, так и в еще одном – расчленив единое исходное предложение на две и более (относительно) самостоятельные структуры.

Естественно, наиболее часто расчленению подвергаются сложные предложения большого объема:

I admire their polish – their youth is already so accomplished that it seems absurd to speak of promise – I marvel at the felicity of their style; but with all their copiousness (their vocabulary suggests that they fingered Roget's Thesaurus in their cradles) they say nothing to me: to my mind they know too much and feel too obviously; I cannot stomach the heartiness with which they slap me on the back or the emotion with which they hurl themselves on my bosom; their passion seems to me a little anaemic and their dreams a trifle dull [MS, с. 81].

Я восхищаюсь тщательностью, с которой они отделяют то, что выходит у них из-под пера, – юность эта так закончена, что говорить об обещаниях, конечно, уже не приходится. Я дивлюсь совершенству их стиля; но все их словесные богатства (сразу видно, что в детстве они заглядывали в «Сокровищницу» Роджета) ничего не говорят мне. На мой взгляд, они знают слишком много и чувствуют слишком поверхностно; я не терплю сердечности, с которой они похлопывают меня по спине, и взволнованности, с которой бросаются мне на грудь. Их страсть кажется мне худосочной, их мечты – скучноватыми [с. 119].

Выделив в структуре предложения главные и зависимые элементы, нетрудно обнаружить, что один главный элемент может иметь при себе не только один, но сразу несколько зависимых элементов; с другой стороны, один зависимый элемент может подчиняться сразу нескольким главным. Иными словами, «главное предложение в многокомпонентном предложении обрастает множеством придаточных предложений, которые, нанизываясь на стержень главного, отражают естественное развертывание мыслительного акта» [8, с. 92]. Они способствуют раскрытию основного содержания сообщения с добавлением необходимых поясняющих, ограничивающих, комментирующих и других структурно-семантических элементов, пока сообщение не становится относительно законченным. Этот процесс может носить радиальный и последовательный характер. В последнем случае сложноподчиненный комплекс с однородными подчиненными предложениями отличается не только тесной спаянностью главной и подчиненной частей, но и тесным структурным взаимодействием подчиненных предложений между собой.

В многокомпонентном сложном предложении, как минимум, один формант является сложным. Последовательное подчинение и соподчинение участвуют в конструировании сложных формантов. «Принцип последовательного подчинения обеспечивает углубление синтаксической перспективы предложения, создавая ступенчатую последовательность синтаксических уровней. Усложнение придаточной части дает возможность детализировать обозначение индивидуализирующего признака с такой степенью точности, какая с точки зрения автора необходима в данном случае» [9, с. 101]. Чем менее информативным представляется контактное слово, тем обязательнее становится распространение и усложнение придаточной части полипредикативного сложноподчиненного предложения. Подобные конструкции часто обладают повышенными эмоционально-экспрессивными качествами, приобретая значительную воздействующую силу, степень которой, как правило, возрастает с ростом количества компонентов.

«Принцип соподчинения приводит к образованию разветвления из двух и более зависимых предикативных единиц, подчиненных одной господствующей на одном уровне подчинения» [7, с. 24]. Усложнение по линии разночленного соподчинения осуществляется в большинстве случаев при увеличении количества однородных именных центров подчинения; в отдельных случаях – неоднородных: именных и глагольных. Пределом усложнения являются четырехкомпонентные конструкции. Соподчинение играет важную роль в развертывании структуры предложения за счет расширения одного центра подчинения двумя и более соподчиненными предикативными единицами или за счет увеличения числа центров подчинения.

Последовательное подчинение является доминирующим способом организации трех- и четырехкомпонентных сложноподчиненных предложений, но уже начиная с четырехкомпонентных возрастает роль скрещения – сочетания принципов последовательного подчинения и соподчинения. Предложения-гиганты – результат действия указанных процессов. В скрещенных моделях оба принципа чередуются и взаимодействуют, в результате чего схема многокомпонентного сложноподчиненного предложения достигает наибольшей степени сложности. «Скрещение усугубляет синтаксическую перспективу предложения в вертикальном направлении и разветвляет его структурную схему в горизонтальном направлении, т.е. объем и глубина структуры находятся между собой в отношениях взаимозависимости, поскольку объем определяет потенциально возможную глубину структуры» [4, с. 146].

С ростом количества компонентов возрастают экспрессивные возможности многокомпонентных предложений за счет увеличения сферы конструктивного напряжения и соотнесенности смысловых компонентов в их синтагматической последовательности. Отличительной чертой этих предложений также является повышенная логизация, поскольку в них четко проявляются логические отношения тождества, импликации и противопоставления. Для них свойственны высокая степень коммуникативной напряженности, усиленной описательности и повествовательности. Многокомпонентные предложения позволяют в пределах одной

синтаксической формы включить максимум информации, осуществляя при этом тесное сцепление событий в их иерархической последовательности. Сравнение двух переводов одного оригинального многокомпонентного предложения подтверждает индивидуальный, зависящий от переводчика, характер их расчленения. Вот два примера:

It was a hazardous, though maybe a gallant thing to do, since it is probable that the legend commonly received has had no small share in the growth of Strickland's reputation; for there are many who have been attracted to his art by the detestation in which they held his character or the compassion with which they regarded his death; and the son's well-meaning efforts threat a singular chill upon the father's admirers [MS, с. 54].

П

Это была затея смелая, но рискованная. Легенда немало способствовала росту славы его отца, ибо одних влекло к искусству Стрикленда отвращение, которое они испытывала к нему как к личности, других – сострадание, которое им внушала его гибель, а посему благонамеренные усилия сына странным образом охладили пыл почитателей отца [с. 134].

Р

Он совершил рискованный, хотя, может быть, и благородный поступок, так как легенда, сложившаяся вокруг имени Стрикленда, немало содействовала росту его известности. Многих произведения Стрикленда привлекали потому, что их или возмущала его жизнь или вызвала сострадание его смерть. А благонамеренные старания его сына только охладили поклонников Стрикленда [с. 162].

You see the powerful interests rising and growing more powerful day by day: you feel their mailed hands descending upon your profits and taking a pinch here and a pinch there – the railroad trust, the oil trust, the steel trust, the coal trust; and you know that in the end they will destroy you, take away from you the last per cent of your little profits [П, с. 74].

П

Вы видите, как вырастают вокруг могущественные силы, как они крепнут день ото дня – и неуязвимые, закованные в броню руки тянутся к вашим прибылям, вырывая клоч то тут, то там. Железнодорожный трест, угольный, нефтяной, стальной. Вы знаете, что вам несдобровать, что они отнимут у вас ваши прибыли – все, до последнего цента [с. 110].

Р

Вы видите, как могущественные капиталы растут с каждым днем; вы чувствуете, как их забронированные руки тянутся к вашим барышам и отхватывают у вас то здесь, то там кусок. Вот железнодорожный трест. Вот нефтяной трест... И вы убеждаетесь мало – помалу, что в конце концов эти тресты съедят вас, отнимут вашу последнюю прибыль [с. 123].

Как видно из примеров, отдельные части сложного периода выделяются в самостоятельные структуры. Так же, как в случаях объединения, при расчленении исходного предложения меняется акцентно-интонационная структура высказывания, смещаются тема-рематические центры.

Выделение автосемантического предложения в результате расчленения исходной развернутой структуры – явление более редкое, чем сообщение статуса отдельного предложения структуре синсематичной:

When we left I walked away with Miss Waterford, and the fine day and her hat persuaded us to saunter through the Park [MS, с. 62].

Я вышел оттуда вместе с мисс Уотерфорд. Чудесный день и ее новая шляпа определили наше решение побродить по парку [с. 83].

He hair, thick and dark like her mother's, fell over her shoulders in fine profusion, and she had the same kindly expression and sedate untroubled eyes [MS, с. 97].

Ее волосы, темные и густые, как у матери, волнами спадали на плечи. И у нее тоже лицо было доброе, а глаза безмятежные [с. 136].

Как известно, прогрессия текста осуществляется в направлении слева направо. В качестве точки отсчета выступает коммуникативно-сильное предложение. «Парадигма предложения, выявленная с учетом категории последовательности, базируется на оппозиции синтагматически и семантически независимого (коммуникативно-сильного) предложения коммуникативно-слабому предложению, содержащему сигналы несамостоятельности (измененный порядок слов, указательные местоимения, сочинительные союзы, местоимения третьего лица, притяжательные местоимения, местоименные наречия, соотносительные слова, неполнота)» [5, с. 25].

Во всех приведенных выше примерах отсеченные предложения обладают хотя бы одним из указанных признаков синсемантии. Их выделение не изменяет тесных семантико-синтаксических связей с предложением-основой, но создает дополнительные значения – додумывания в процессе развертывания высказывания, содержательной равнозначности обеих его частей. Изменение структуры развернутого предложения и превращение его в СФЕ (или часть СФЕ) соответственно уменьшает объем исходного построения, что, в свою очередь, облегчает его восприятие.

Рассмотрим еще один пример:

But the ensemble had charm; old and compact, a warm face of character, a good solid fell [ET, с. 85].

И все-таки было в этом доме что-то привлекательное. Старинное, без архитектурных излишеств, приветливое здание производило внушительное впечатление [с. 158].

Членение предложений, которое здесь наблюдается постоянно, имеет место при переводе высказываний с так называемой «двуступенчатой» ремой, т.е. такой, которая только называется в первом предложении и затем подробно раскрывается в последующем предложении. Развертывание приложения в самостоятельное предложение, а значит, добавление предикации существенно расширяет высказывание. Этот процесс носит комплексный характер: одновременно меняется структура словосочетания, порядок слов и тип предложения.

Подводя итоги рассуждениям об изменениях семантико-синтаксических внутри- и межфразовых связей в процессе перевода, следует констатировать, что изменений содержательно-концептуальной информации (СКИ) они не несут, что же касается содержательно-фактуальной информации (СФИ), то изменяется дозировка и организация ее подачи. Наибольшие смещения претерпевает содержательно-подтекстовая информация (СПИ) – эксплицируются имплицитные связи, создаются новые, изымаются имеющиеся.

Помимо информативных изменений, трансформации связей между отдельными предложениями и их частями полностью изменяют членение текста на СФЕ, чему способствуют и лексические (номинативно-прономинально и номинативно-адвербиальные) замены. Результатом указанного перераспределения связей является, в большинстве своем, усиление текстовой когезии, которое можно рассматривать как синтаксическую компенсацию ее ослабления на лексическом уровне, связанного с уменьшением роли сквозных лексических повторов, синонимизацией высокочастотных слов и прочими последствиями несовпадения семантических структур исходных и переводных лексем.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – М., 1990. – 388 с.
2. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода. Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. Сб. статей / Под ред. А. Д. Швейцера. – М., 1988. – С. 34-39.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – 544 с.
4. Золотова Г. А. О роли семантики в актуальном членении предложения // Вопросы истории языка и современного состояния. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 142-162.
5. Ильин Б. А. Об актуальном членении предложения // Вопросы английского и немецкого языков. – Вологда: Волог. пед. ин-т, 1989. – С. 12-28.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
7. Москальская С. И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 478 с.
8. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. – Киев: КГУ, 1984. – 347 с.
9. Слюсарева Н. А. Гиперсинтаксический уровень языка в лингвистическом членении текста // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: КГУ, 1993. – С. 93-111.
10. Тюленев С. В. Теория перевода: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
11. (ET) – Fowles J. The Ebony Tower. – London: Granada publishing, 1974. – 115 p.
Фаулз Дж. Башня из черного дерева // ИЛ, 1979. – № 3. – С. 115-185. Перевод с англ. К. Чугунова.
12. (IH) – London J. The Iron Heel. – Moscow, 1948. – 237 p.
(II) – Лондон Дж. Железная пята // Собр. соч. – Т.6. – 1961. – С. 93-331. Перевод Р.Гальпериной.
(P) – Лондон Дж. Железная пята. – М.: JL, 1930. – 299 с. Перевод Е.Гуро.
13. (MS) – Maugham S. The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1972. – 222 p.
(II) – Мюэм С. Луна и грош. – JL: Худож. лит-ра, 1970. – 190 с. Перевод с англ. Н. Ман
(P) – Мюэм В.С. Луна и шестипенсовик. – JL, 1928. – 263 с. Перевод с англ. З. А. Вершининой.

Кирилова Е. А.

«ПОРТРЕТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА», ОТРАЖЕННАЯ В МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЕ СЛОЖНОГО СЛОВА

Язык одновременно является и средством общения людей и орудием постижения знаний о мире. В языке отражаются наиболее существенные представления человека об окружающих его предметах и о самом себе. Поэтому одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение разноуровневых средств экспликации языковой картины мира. Обычно исследования в этом направлении ориентированы на анализ лексики и словообразования русских говоров. В нашей работе будут рассмотрены явления морфемной структуры диалектных слов. Объектом анализа в данном исследовании служат сложные слова, зафиксированные картотекой «Словаря вологодских говоров». Изучение сочетаемости корневых морфем данной группы слов позволяет акцентировать внимание на том, какие качества человека оказываются существенными с точки зрения носителей севернорусских диалектов.

Часть диалектных слов-композиции, характеризующих человека, обращает внимание на его лицо: *бел-* и *руд-* (*белорудый* 'белолицый' [СВГ, 1, с. 28]); *б)* *кур-* и *нос-* (*куроносый* 'курносый' *Уж не худа' де'ука, куроносая, белолуцая.* [СВГ, 4, с. 23]; *в)* *мил-* и *гляд-* (*милзгляденький* 'милый, симпатичный' [СВГ, 4, с. 85]). Особый интерес представляет сочетание таких корневых морфем, как *бел-* и *руд-*. В «Словаре редких и забытых слов» В. П. Сомова зафиксировано слово *руда* в значении *кровь* [Сомов, 1996, с. 394]. Н. М. Шанский и Т. А. Боброва считают родственными слову *руда* слова *рдеть, рыжий, коричневый, красный, ржавый*: «Руда. Общеслав. Производное (с перегласовкой) от той же основы, что *ржавый, рыжий, рдеть*, латышск. *gauds* «рыжий, красный, коричневый», лат. *guber* «красный» и т.д. Руда первонач. – «красная (земля)», железняк, медная руда» [Шанский, Боброва, 1994, с. 277]. Следовательно, обратившись к этимологии слова *руда*, можно отметить, что слову *белорудый* синонимичен фразеологический оборот *кровь с молоком*. «Выражение из русского фольклора, где соединились народные представления о красоте цвета: красного как кровь и белого как молоко. На Руси издавна признаком красоты считались белое лицо и румянец на щеках, что было свидетельством хорошего здоровья» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1999, с. 317]. Человек, обладающий физическими достоинствами, красивым лицом, не может быть лишен также таких качеств, как хорошее зрение, слух, осязание, обоняние. Такие качества, например, выражены морфемами *вид-* и *глаз-* (*видоглазый* 'имеющий хорошее зрение' [СВГ, 1, с. 71]).

Наряду с хорошим телосложением ценилась выносливость, противостояние всевозможным лишениям, трудностям, а для этого нужно было быть физически крепким, что выражается при сочетании корней *дв-* и *жи-* (*двоежильный* 'крепкий физически, выносливый' [СВГ, 2, с. 9]). Если человек обладает физической выносливостью, то, как правило, он отличается высокой продолжительностью жизни: *долговеткий* 'отличающийся долголетием, долговечный' [СВГ, 2, с. 39].

Внешним физическим достоинствам противопоставляются различные недостатки и уродства, выраженные сочетанием следующих корневых морфем: а) *разн-* и *ног-* (*разноногий* 'кривоногий' [СВГ, 9, с. 21]); б) *долг-* и